

Когда-то, поклявшись проникнуть во Дворец Буфань, Хо Линьфэн был полон амбиций и решимости. Кто бы мог подумать, что борьба с несправедливостью и злодеями превратится в нежные отношения? Даже если Жун Лоюнь не был таким, как о нём говорили в слухах, даже если он был добрым и милосердным, как это могло превратиться из дружбы и братства в нечто большее?

Неважно, хорошо это или плохо, неважно, что другие думают. Главное, главное... главное, что Жун Лоюнь был мужчиной!

Ду Чжэн вскочил:

— Молодой господин, я ломаю голову, но не могу понять.

Он вытер слёзы, но новые уже текли по его щекам.

— Вы не любите Баююэ, Бицзань и Ваньшэн из дома, как же вы можете любить мужчину?

Хо Линьфэн тоже задумывался над этим вопросом и ответил:

— Возможно, именно потому, что я люблю мужчин, я и не люблю Баююэ, Бицзань и Ваньшэн.

Ду Чжэн замер:

— Не может быть! В армии полно мужчин, кого вы там любили?

Хо Линьфэн тоже застыл. Действительно, в армии было столько людей, что он уже устал от них. Подумав, он пришёл к выводу:

— Не стоит об этом думать. Неважно, мужчина это или женщина, хороший или плохой, я люблю только Жун Лоюня.

Эти слова, как острый нож, пронзили Ду Чжэна, едва не лишив его чувств. Он с отчаянием подумал, что если маркиз узнает о таком поведении своего сына, то, вероятно, приведёт войска из Сайбэя и сравняет Дворец Буфань с землёй.

И ещё его мать, старший брат...

Пока они говорили, наступил рассвет. Хо Линьфэн, чтобы отвлечься, сказал:

— Успокойся, я сам пойду за водой.

В конце концов, он был верным слугой, и даже если бы Хо Линьфэн влюбился в лошадь, Ду Чжэн не смог бы ему помешать.

— Молодой господин, подождите немного, — сказал он, всхлипывая, и, надев тапочки, пошёл заниматься делами.

Выйдя из спальни, его рыдания становились всё громче, а спустившись вниз, он вовсе разрыдался. Хо Линьфэн слышал это и не мог не почувствовать сострадания. Затем он начал размышлять, как признаться Жун Лоюню.

Перед признанием нужно было подготовить почву, намекнуть, а также приукрасить образ «Хо Линьфэна».

После умывания и переодевания он сел на бамбуковую кровать, подперев щеку рукой, и начал тщательно обдумывать. В саду Ду Чжэн, полный горя, убирался, чистил носки, как вдруг услышал быстрые шаги.

Жун Лоюнь вошёл в Бамбуковый сад и поздоровался:

— Брат Ду Чжэн, доброе утро.

Но Ду Чжэн, как испуганная птица, вскочил и преградил ему путь, словно готовый пожертвовать собой. К его удивлению, Ду Чжэн спросил:

— Второй господин... вы с моим братом...?

Жун Лоюнь удивился:

— Ду Чжун рассказал тебе?

Он был поражён, что тот так откровенно признался, и это вызвало в его сердце волну за волной.

Не смущаясь, он кивнул и пообещал:

— Не волнуйся, я буду хорошо относиться к Ду Чжун.

Едва он закончил говорить, как Ду Чжэн упал на колени.

Жун Лоюнь испугался:

— Что ты делаешь?

Ду Чжэн сказал:

— Господин, мой брат неопытен, наивен и чист, как белый лист бумаги. Он не понимает любовных дел и никогда не испытывал чувств. Если он влюбится, то это будет его конец. Умоляю, отпустите его!

Наивный, чистый, не понимающий любви...

Эти слова, хотя и полные печали, вызвали у Жун Лоюня бурю радости, и он захотел немедленно увидеть того, о ком шла речь. Он искренне сказал:

— Прости, но я не могу выполнить твою просьбу.

Коснувшись земли носком ноги, он прыгнул на второй этаж.

В бамбуковом доме было тихо, он осторожно подошёл к спальне и увидел, как тот человек сидит на краю кровати, погружённый в размышления. С опущенными глазами, он выглядел более сдержанным и мягким. Насмотревшись, он, переполненный чувствами, прикусил губу и бросился в спальню.

Хо Линьфэн размышлял, как вдруг заметил мелькнувшую тень. Он раскрыл руки и крепко обнял её.

Затем, перевернувшись, он прижал её к кровати и внимательно посмотрел.

— Господин, зачем вы пришли? — спросил он.

Жун Лоюнь вместо ответа спросил:

— Вы рассказали своему брату?

Хо Линьфэн тихо засмеялся:

— Я так счастлив, что не смог удержаться.

Эти слова вызвали у Жун Лоюня такую же радость, и он обнял его за шею.

— В доме так тихо, что сердце начинает тревожиться, — сказал он, полный лукавства, научившись этому у своего собеседника. — Хорошо бы услышать какой-нибудь шум.

Хо Линьфэн спросил:

— Какой шум вы хотите услышать?

Жун Лоюнь, не стесняясь, ответил:

— Скрип бамбуковой кровати, шелест одежды.

Это была не просто фраза, а искра, которая мгновенно воспламенила генерала Хо. Влажность Цзяннаня превратилась в сухой костёр, и молодой господин из маркизата готов был выругаться: «Распутница!»

Хо Линьфэн с нетерпением наклонился, но Жун Лоюнь уклонился, перекатился и соскочил с кровати. В его глазах читалась самоуверенность и капля насмешки:

— Ваш брат сказал, что вы наивны и простодушны, и действительно, вас легко подразнить.

Хо Линьфэн, чувствуя себя униженным, сказал:

— Это не связано с простодушием, а только с любовью. Если бы я не любил вас, я бы не попался на эту уловку.

Он поправил одежду и сделал серьёзное лицо.

— Но после одного укуса змеи, если вы снова будете искать любви и жалости, я уже не смогу быть так искренен.

Жун Лоюнь внезапно заволновался:

— Правда?

Не получив ответа, он сел рядом и осторожно обнял руку Хо Линьфэна.

— Вы расстроены? — с сожалением спросил он, прислонившись к плечу Хо Линьфэна. — Тогда я больше не буду.

Собеседник всё ещё молчал, и он наклонился ближе, чтобы его дыхание коснулось шеи Хо Линьфэна.

— Ду Чжун, я прошу у вас любви, — прошептал он, смущаясь до того, что начал запинаться. —

Ду Чжун, пожалуйста, сжальтесь надо мной.

Его губы слегка приоткрылись, и он взял мочку уха Хо Линьфэна в рот.

В голове Хо Линьфэна всё помутнело, и он повернулся, чтобы закрыть его губы своими.

Бамбуковая кровать не шевелилась, только сердце колотилось без остановки. Слова генерала Хо были бессвязными, он потерял лицо, серьёзность и, повернувшись, обнял его, ища нежности.

Когда они разошлись, Жун Лююнь слегка запыхался, вытирая слюну с губ. Он тихо спросил:

— Разве вы не говорили, что не сможете быть искренним?

Хо Линьфэн тоже тихо ответил:

— Даже если бы я был камнем, я не смог бы устоять перед вашими уловками.

Когда он сел рядом, гнев утих, когда обнял его руку, сердце смягчилось, когда прислонился к его плечу, он сдерживался, а когда коснулся его уха, он замер от волнения.

Этот поцелуй лишил его души.

В комнате всё ещё было тихо, и у них, казалось, было бесконечное количество нежных слов. К утру Жун Лююнь наконец упомянул причину своего визита. Вчера вечером Дуань Чэньби приказал им сегодня сопровождать его.

Хо Линьфэн кивнул, соглашаясь, но не мог не задуматься: этот мастер Дуань, похоже, испытывал к нему «интерес». Подозревал или восхищался? Придётся действовать по обстоятельствам. С этими мыслями он вместе с Жун Лююнем покинул Зал Цяньцзи.

Они сели в повозку и направились к Платформе Мяоцан, чтобы забрать Дуань Чэньби и покинуть дворец.

Небо было пасмурным, без ветра, и в повозке было душно, но Дуань Чэньби выглядел спокойным. Его внутренняя энергия была настолько сильной, что внешняя температура не могла на него повлиять, и он мог регулировать тепло своего тела с помощью дыхания.

Но Жун Лююнь страдал, сопровождая его и рассказывая о местных обычаях, лицо его было покрыто потом. Он пил из фляги и спросил:

— Осмотрев город, куда вы хотите отправиться, учитель?

Дуань Чэньби сказал:

— Выедем за город, в лесу тебе будет прохладнее.

Хо Линьфэн выехал за город и через три ли направился в густой лес. Пройдя более десяти ли, они углубились в горы, и температура постепенно понизилась. Остановившись у источника, Дуань Чэньби выглянул из повозки и, осмотревшись, остался доволен.

Кроме них, здесь не было ни души, но скрывалось множество животных.

Хо Линьфэн умылся водой из источника, а затем пошёл кормить лошадей. Без причины они бы

сюда не приехали, и он, как посторонний, решил не мешать. Однако Дуань Чэньби остановил его:

— Ду Чжун, не нужно уходить.

Он был вынужден согласиться:

— Если я помешаю вам и господину, прошу прощения.

Дуань Чэньби, поглаживая бороду, улыбнулся и сказал Жун Лоюню:

— Ученик, покажи мне свой удар.

Жун Лоюнь отошёл подальше, встал перед двумя деревьями толщиной в чашу, сосредоточился и вызвал бурную силу. Внезапно подул ветер, и Ладонь, Похищающая Душу, ударила двумя руками, свалив два дерева.

Десять лет тренировок, и результат был впечатляющим. Дуань Чэньби с удовлетворением сказал:

— Сегодня я научу тебя Ладони, Достигающей Облаков.

Жун Лоюнь с радостью ответил:

— Спасибо, учитель!

Затем Дуань Чэньби посмотрел на Хо Линьфэна:

— Ду Чжун, я слышал, ты однажды спас жизнь моему ученику?

Хо Линьфэн ответил:

— Это моя обязанность.

Дуань Чэньби покачал головой:

— Разве есть такая обязанность, если это не родственник или возлюбленный?

Он всё понимал и имел свою цель.

— Ладонь, Достигающая Облаков, ты хочешь научиться вместе с ним?

Для человека, занимающегося боевыми искусствами, это было как найти сокровище на дороге. Кто бы отказался от такого подарка? Хо Линьфэн с трудом сдержал удивление и, сложив руки в приветствии, ответил:

— Я согласен, спасибо за доверие, мастер Дуань.

Дуань Чэньби улыбнулся:

— Не спеши благодарить. У меня есть условие. Ты должен выбрать одно из изученных тобой боевых искусств и научить ему моего ученика.

[Авторский комментарий: Маленький Хо: Я начинаю паниковать. (План действий из трёх шагов: 1. Вернуться во дворец и написать заявление об уходе, указав причину — возвращение

для управления семейным делом. 2. Позвонить на северную границу, спросить у Хо Чжао, знаком ли он с Дуань Чэньби. 3. Спеть у входа в Безымянную обитель для маленького Жуна: «Я целую тебя на прощание, в безлюдном...»]

<http://bllate.org/book/16167/1449382>